

УДК 821.161.1(091):94(470)"1812"

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года И НИЖНИЙ НОВГОРОД
(ЛИТЕРАТУРНЫЙ АСПЕКТ)**

© 2013 г.

В.Ю. Белоногова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

valbelon@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.08.2012

Предлагается типология историко-литературных отражений темы Отечественной войны 1812 года на нижегородском материале. Помимо относительно изученного фактографического аспекта, связанного с судьбами писателей из числа московских беженцев, рассматривается творчество нижегородских поэтов-дилетантов и особенности мифологизации темы Отечественной войны 1812 года в Нижегородском крае.

Ключевые слова: война 1812 года, Нижний Новгород, беженцы, московские литераторы, патриотизм, поэты-дилетанты, мифологизация.

Начало исследования памятных событий, происходивших в дни Отечественной войны 1812 года в тыловом Нижнем Новгороде, относится ко времени празднования 100-летия победы над Наполеоном. С тех пор опубликованы статьи на эту тему историков С.И. Архангельского, В.В. Пугачева, И.А. Кирьянова, Ю.Г. Галая, И.В. Петрова и других. В той или иной степени все они касались фактов пребывания в Нижнем Новгороде известных русских литераторов из числа беженцев, покинувших Москву перед вступлением в нее неприятельских войск. Однако сколько-нибудь полного собственно литературоведческого исследования литературного аспекта темы не было. Исключение составляют несколько статей В.В. Харчева, Д.И. Белкина и некоторых других исследователей.

Значительная часть исторических публикаций связана с формированием и европейским походом Нижегородского ополчения и Резервной армии. И уже тут мы можем с полным правом сделать первую остановку, обратившись к историко-литературным параллелям.

О том, что после оставления Москвы в сентябре 1812 года сюда в город на Волге прибыл вместе с другими москвичами-беженцами дядюшка А.С. Пушкина – Василий Львович, хорошо известно. Но, по-видимому, еще раньше по делам службы в Нижний приехал отец великого поэта Сергей Львович Пушкин (напомним, как и его старший брат, Сергей Львович был известным в светских кругах салонным поэтом). Начиная с 1802 года, он служил в Москве в штате военного комиссариата, который ведал вооружением и обмундированием армии. С

1811 года он – военный советник комиссариатской комиссии.

К началу Отечественной войны в Москве были сосредоточены огромные запасы вооружения и воинского имущества, которые надо было вывезти с приближением неприятеля. 20 августа комиссией был получен приказ об эвакуации. Воинское имущество было погружено на 1700 подвод и 23 барки и отправлено по Оке в Нижний Новгород. Прибыла сюда в полном составе и Московская комиссариатская комиссия, которая была переименована здесь в Нижегородскую. Об этом рассказывают документы Центрального военно-исторического архива. Комиссия имела отношение к снабжению ополчения и обеспечивала укомплектование всем необходимым резервной армии, которая формировалась неподалеку от Нижнего – в Муроме, Арзамасе, Лукоянове. Сергей Львович, естественно, принимал в этом самое непосредственное участие. В декабре 1812 года, например, он был командирован из Нижнего Новгорода в Муром для отправки формирующемуся там соединению оружия и обмундирования. Сохранился его рапорт генерал-кригс-комиссару князю Д.И. Лобанову-Ростовскому «*об отправлении <...> 20 тысяч кожаных ранцев, 7 500 английских ружей, 3 миллионов патронов*» [1, с. 38–39].

24 декабря 1812 года С.Л. Пушкина назначают начальником Комиссариатской комиссии всей Резервной армии. Покинув в самом конце года Нижний Новгород, возглавляемая им Комиссия перемещалась на запад вслед за штабом резервной армии – на Орел, потом она базиро-

валась в Варшаве. А вот семья, которая, скорее всего, была вместе с кормильцем в Нижнем Новгороде, могла в течение какого-то времени оставаться здесь. Старший сын в эти дни в Царскосельском лицее с завистью смотрел, как шли мимо лицейских окон на войну гусарские полки, но дочь Ольга и младший сын Левушка наверняка были с матерью Надеждой Осиповой. Пока прямых свидетельств этого пребывания нет. Но если предположить, что догадка верна, и семья Пушкиных – родители поэта и его брат с сестрой – действительно находились какое-то время в Нижнем Новгороде в войну, то и Василий Львович Пушкин со своими домочадцами, скорее всего, жил вместе с родней.

Написанное в Нижнем 20 сентября 1812 года стихотворение Василия Львовича Пушкина «К нижегородским жителям» («Примите нас под свой покров, питомцы волжских берегов!») – ценнейший памятник культуры эпохи 1812 года. Для истории нижегородской оно имеет исключительное значение, потому что помимо всего прочего отражает уникальную ситуацию, сложившуюся в этом городе.

Кроме военного Комиссариата, о котором мы уже говорили, сюда перебрались московские департаменты Правительствующего сената, Государственное казначейство с золотым запасом, Межевая канцелярия, сокровищница Оружейной палаты, Московский архив, Московский почтамт, Московский университет со всем своим имуществом, профессорами и не уехавшими на вакации студентами [2, с. 13]. Поспешно покидая древнюю столицу перед вступлением в нее неприятеля, в город на Волге приехали самые знатные и богатые московские семейства. Здесь оказались и многие московские литераторы – Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, издатель патриотического журнала «Русский вестник» Сергей Глинка, А.М. Пушкин, В.Л. Пушкин.

Поэт и литературный спорщик, страстный театрал и библиофил, завсегдатай московских гостиных, острослов и хлебосол, Василий Львович Пушкин был колоритнейшей фигурой пушкинского времени. Своего рода московской достопримечательностью. Так что, в каком-то смысле, он имел право от имени всех москвичей-беженцев обращаться к жителям Нижнего Новгорода: «Примите нас, мы все родные! Мы дети матушки-Москвы!..»

В Нижнем Новгороде он, как и многие москвичи, той страшной зимой бедствовал. Он едва успел покинуть первопрестольную, когда французы уже вступали в город. Дом, имущество – все сгорело. И все-таки он не унывал, и здесь

оставаясь «душой» перебравшегося в Нижний московского общества. К.Н. Батюшков позже вспоминал: «Василий Львович, забыв утрату книг, стихов и белья, забыв о Наполеоне, гордящемся на стенах Кремля, отпуская каламбуры, достойные лучших времен французской монархии, и спорил до слез с Муравьевым о преимуществах французской словесности» [3, с. 268]. В приведенной цитате Н.И. Михайловой замечен след послания Пушкина «К нижегородским жителям»: «Забыв о Наполеоне, гордящемся на стенах древнего Кремля». В послании: «А враг коварный веселится На баинях древнего Кремля».

Батюшков упоминает «утрату белья», любопытно, что на обороте листа с автографом этого стихотворения, хранящегося в музее А.С. Пушкина в Москве, запись: «6 рубашек, 3 патишанников, 2 простыни, 5 навалка, 4 палатенца, 9 платков, 2 скатерти, 5 салфеток, 2 чулок, 4 пар носков, 2 платья, 1 капот» [4, с. 127–128]. Может, это единственное, что осталось? Или единственное, что удалось раздобыть в Нижнем?

О послании В.Л. Пушкина потом будут говорить, что оно напоминало «плач колодника, который под окном просит милостыню и обращается с ругательством к уличным мальчишкам, которые дразнят его» [4, с. 131]. Но это будет потом. В Нижнем в то время эти строки, полные патриотических чувств, любви к матушке-Москве и благодарности к принявшим их нижегородцам, знали и декламировали московские беженцы в каждом доме. Василий Львович написал в Нижнем и другие стихи – послание «К Е.Ф. Салмановой», послание «К Д.В. Даишкову». И все-таки послание к нижегородцам было самым знаменитым. Оно не менее пяти раз было опубликовано при жизни автора, было положено на музыку. Оно вызвало похвальный отзыв в «Вестнике Европы». Впрочем, объектом стихотворного шаржа это послание, кажется, стало уже здесь, в Нижнем. Завзятый острослов и картежник Алексей Михайлович Пушкин, однофамилец и дальний родственник Василия Львовича, частенько писавший на его стихи пародии, спародировал и его [5, с. 370–371].

Пребывание дяди Пушкина в Нижнем Новгороде вообще сыграло важную роль в его поэтической карьере. Именно в дни нижегородской эмиграции в дружеском общении москвичей было задумано издание первого и единственного сборника стихотворений Василия Пушкина. Хотя осуществление замысла растянулось на многие годы. Сборник был напечатан усилиями

друзей-литераторов только в 1822 году в Петербурге. Известен не слишком лестный отзыв о книжке племянника, считавшего произведения дяди подражательными и, в целом, вчерашним днем русской литературы. Но книга интересна своей связью с контекстом времени, с литературным бытом пушкинского времени [6, с. 72].

Но вернемся в Нижний Новгород. Каким был город в те дни? Преимущественно деревянным, одноэтажным, тихим и захолустным (до переселения сюда из Макарьева ярмарки еще пять лет). Москвичи, безусловно, способствовали культурному развитию города, но они привезли с собой еще и аристократические привычки к шумной рассеянной жизни, крупную карточную игру.

Самое удивительное в этой уникальной, по сути, ситуации было то, что среди «питомцев волжских берегов» не нашлось тогда ни одного грамотея и более или менее просвещенного светского человека, который (в дневниках ли, в письмах ли) рассказал бы о житье-бытье московских «эмигрантов». А ведь было о ком поспрашивать: приехал цвет московской аристократии и чиновничества, известные литераторы. Василия Львовича Пушкина в провинции могли и не знать. Но Константин Батюшков был уже знаменитым поэтом. Не говоря уж о Карамзине. Увы, о жизни Батюшкова в Нижнем в 1812-м мы узнаем только из писем Батюшкова. О жизни Карамзина – только из писем самого Карамзина. Это тем более странно, что среди известных нам нижегородцев, принимавших у себя в доме московских эмигрантов, были и люди образованные, нижегородские дворяне Аверкиевы, Львовы, Крюковы, художник и гимназический учитель Яков Никлаус, нижегородский аптекарь Г.Х. Эвениус.

Среди столичных литераторов, оказавшихся в Нижнем, были владельцы здешних поместий. У Сергея и Василия Пушкиных была вотчина в Болдине. Карамзины тоже владели землями в Арзамасском уезде близ сел Большой и Малый Макателемы. Правда, только в 1840–1850 годы сын историографа Александр Николаевич Карамзин поселится здесь в усадьбе Рогожка, будет заниматься хозяйством, заведет сырную ферму, винокуренные заводы. В начале XIX века карамзинские деревни бедствовали. Судя по письмам, и В.Л. Пушкин, и Н.М. Карамзин посетили свои имения по одному разу.

1 сентября 1812 года, за день до вступления в Москву Наполеона, Карамзин покидал Москву. И, забрав по дороге семью из Ярославля, прибыл в середине сентября в Нижний Новгород. Вместе с женой Екатериной Андреевной,

дочерью Софьей от первого брака и малышами Андреем, Катей и Наташей.

Исторические воспоминания о Нижегородском ополчении Кузьмы Минина не раз всплывали в разговорах в доме историографа, из окон которого был виден Нижегородский кремль. Осенью 1812-го, когда в Нижнем снова формировалось ополчение для освобождения Москвы, писатель всерьез намерен был принять участие в походе. Но Наполеон в октябре уже покинул Москву. А тягостное ожидание, вынужденное бездействие и невозможность вернуться домой из-за холодов и безденежья еще долго будут угнетать беженцев и пронизывать их письма.

В мае Карамзины похоронили на кладбище нижегородского Печерского монастыря пятилетнего Андрюшу. За более чем полгода пребывания здесь на их долю выпало множество лишений. Но были и творческие удачи. Война остановила работу над *«Историей Государства Российского»*, когда историограф подошел в своем описании к последним годам правления Ивана III. И именно в Нижнем Новгороде он неожиданно напал на след редкого издания XVI века с неизвестными прибавлениями времен Ивана IV. В Нижегородском областном архиве сохранилось письмо Н.М. Карамзина от 14 января 1813 года балахнинскому собирателю древностей купцу Н.Я. Латухину, у которого хранилась ценная средневековая рукопись [7, с. 150–151].

Константин Батюшков оказался в Нижнем, помогая семье своего благодетеля М.Н. Муравьева – его вдове Екатерине Федоровне с малыми детьми – выехать из Москвы. Батюшков был обязан семье Муравьевых очень многим. И потому радовался случаю быть полезным. О том, в каких условиях пришлось жить здесь Батюшкову, можно прочесть в его октябрьских письмах Н.И. Гнедичу: *«Мы живем теперь в трех комнатах, мы – то есть Катерина Федоровна с тремя детьми, Иван Матвеевич (Муравьев-Апостол, дипломат, писатель. – В.Б.), П.М. Дружинин, англичанин Евень, которого мы спасли от французов, две иностранки, я, грешный, да шесть собак. Нет угла, где бы можно было поворотиться, а ты знаешь, мой друг, как я люблю быть один сам с собою. Нет, я никогда так грустен и скучен не бывал!..»* [3, с. 208].

Беспокойный Батюшков в общей сложности прожил в Нижнем недолго. В сентябре он живет еще здесь с семьей Муравьевых. А в октябре уже сопровождает раненого Петра Оленина в Тверь. В ноябре он здесь, а в декабре уезжает в Вологду повидаться с родными и Петром Вяземским. В январе вернется в Нижний, а в фев-

рале он уже в Петербурге ждет назначения в армию. И все-таки волжский город надолго останется в его памяти. Здесь, несмотря на тесноту и горести, его посещало вдохновение. По-видимому, в январе 1813 года он сочинил здесь необыкновенно изящное стихотворение «Разлука» («Гусар, на саблю опираясь, / В глубокой горести стоял...»). В мае 1814 года в письме друзьям из поверженного Парижа он будет с удовольствием вспоминать о Нижнем.

Во всем этом нижегородском эпизоде истории русской литературы, который мы пролистали вкратце, важно, что, несмотря на тяготы и лишения войны, поступательное движение литературной жизни не прерывалось. В доме, где жил Карамзин, оказавшись в Нижнем литераторы собирались вместе, делились своими мыслями и впечатлениями, вспоминали о Нижегородском ополчении Минина и Пожарского. Здесь обсуждались планы издания патриотического журнала в изгнании. Здесь писались стихи и задумывались стихотворные сборники.

Наш разговор был бы неполным, если бы мы, хотя бы пунктирно, не обозначили моменты отображения событий Отечественной войны 1812 года в творчестве самих нижегородцев. В первую очередь, в творчестве поэтов-дилетантов. В указателе «Русские книжные редкости» Н. Березина 1903 года упоминается поэма Н. Протопопова «Чувствования уроженца Нижнего Новгорода, живущего в Казани, по получении известия о занятии Москвы французами в сентябре месяце 1812 года», изданная в 1813 году в Казани. Издание редкое.

В Нижегородской областной библиотеке сохранилась другая книжка, написанная о событиях 1812 года нижегородцем. «*Песнь Императору Александру I Благословенному на победу Его над Императором французским Наполеоном I-м в 1812 году*». Её автор – священник села Кочкурово Лукояновского уезда Нижегородской губернии Иоанн Миловский, современник событий. В годы Отечественной войны он был еще мальчиком и поэму свою писал позже, в 1830-е годы, как сообщают его потомки. Однако в поэме использованы собственные детские воспоминания автора, например, о комете 1812 года. Будучи уже стариком, Иоанн Иоаннович Миловский подготовил книжку к печати и завещал своим детям опубликовать её в год 100-летия Отечественной войны. Что и было сделано сыном и внуками автора в 1912 году в Канавинской типографии Нижнего Новгорода. Оригинал поэмы был принесен в дар музею 1812 года в Москве (Музей-панорама Бородинской битвы).

Два слова о поэме Миловского. В книжечке 39 страниц, поэма состоит из одиннадцати глав-песней. Песнь 1 «Благополучие России», где отсчет идет от победы Нижегородского ополчения Минина и Пожарского над поляками. Песнь 2 «Характеристика Наполеона, его вторжение в Россию и осада Смоленска». 4-я и 5-я песнь посвящены Бородинскому сражению. 6-я – совету, принявшему решение «об отдании Москвы Наполеону без боя и о удалении москвитян из града». Последняя песнь называется «Радость Европы и низложение Наполеона. Союз трех монархов. Их вступление в Париж. Осуждение Наполеона на изгнание на остров Эльбу. Его бегство оттуда и заточение на остров Св. Елены». Таким образом, перед нами обстоятельное повествование о событиях войны с Наполеоном. Но написано оно в торжественном, приподнятом тоне. Проникнуто патриотизмом и христианским духом. Император молится перед принятием важных решений. Молятся русские полководцы, а тут упоминаются многие из них – Кутузов, Раевский, Ермолов, Дохтуров, Милорадович, Багратион, Воронцов, Коновницын. Поэма полна гневной риторики по отношению к Наполеону и его воителям, они – исчадие ада. И восхищения русскими воинами – бесстрашными орлами.

Чувствуется, что автор – образованный, начитанный человек. Дважды упоминается, например, Авраамий Палицын и его «Сказание о Смутном времени». Поэма Миловского изобилует фактами европейской истории («как Этна, пламенем дышали пушек зевы») и фактов русской истории. Очевидно не только доскональное знание реалий войны 1812 года, здесь вспоминаются, например, суворовские походы, деяния Петра.

Но литературное образование отца Иоанна остановилось на образцах ломоносовской оды. Отсюда обилие архаичных образов, одический шестистопный ямб, риторические фигуры, дидактика. Налицо эстетика XVIII века. Хотя оттачивал отец Иоанн свою поэму всю жизнь (а умер он в 1879 году). Но в том-то и дело, события, которые он воспекает, на всю жизнь остались для него настолько яркими и значимыми, что он уверен – отразить их под силу только приподнятому одическому слогу. Вот почему, даже подробно изучив за многие годы фактическую сторону событий, он нигде не снижает эмоционального «градуса» своего повествования.

Вот фрагмент из Песни 5 «Бородинское сражение»:

*Румяная заря край неба озлащала,
Свет утра озарил эфирный небосклон,*

*Ударил пушек гром – земля затрепетала,
Казалось, издала печальный, томный стон.
Наполеон восход светила предваряет,
Чтоб в день сей больше зла на свете
совершить,*

*И Бородинское сражение начинает,
Могущее собой вселенну удивить.
Российские войска восстали, ополчились,
Их дело правое зовет на страшный бой,
Умы их верою небесной озарились,
Идут противу стать неробкою стопой...*
[8, с. 14]

И еще один момент. Как любое крупное историческое событие, Отечественная война осталась и в художественной памяти народа: в легендах, частушках, анекдотах. Некоторые из них проникали потом в литературу, и именно благодаря этому сохранились. Приведем пример мифологизации темы Отечественной войны 1812 года в Нижегородском крае. Он связан с распространенным местным сюжетом, в основе которого лежит реально существовавший, хотя и довольно экзотический нижегородский промысел.

Заметным явлением татарской советской литературы на историко-революционную тему был вышедший в середине XX века роман *Кави Наджми «Весенние ветры»*, неоднократно переводимый и издаваемый. В романе есть эпизод, когда мать главного героя отправляется навестить сына и на пароходе знакомится с сергачским татаринном-медвежатником, ехавшим со своим «ученым» медведем на весеннюю ярмарку в Казань. Город Сергач на юго-востоке Нижегородской области был издавна знаменит своим медвежьим промыслом. История, рассказанная героине ее попутчиком, относилась к временам, когда уже «Бонапарта выгнали из России, но в городе Сергаче еще оставались пленные французские офицеры. И вот воинский начальник, желая показать чужестранцам диковины своего уезда, велел собрать лучших медвежатников на смотр. Ни много, ни мало, было отобрано 30 медведей – самых крупных и самых ученых. И в один теплый весенний день французам показали невиданное зрелище. Через базарную площадь, держа ровный строй, в сопровождении своих поводырей в ярких цветных рубашках, с важным и строгим видом прошли тридцать медведей. Каждый из них держал на плече деревянное, выструганное из сосновой палки ружье. А мещеряки (этническая группа сергачских татар. – В.Б.) на самодельных скрипках играли «губернаторский марш» <...> Рассказав об этом смотре, спутник Малики с гордостью добавил: “Мой дед Мизак тоже был там. Когда его медведь сделал полный ружейный приём, у басур-

манов, говорит, языки отнялись. Один из французских офицеров будто потом написал своим: попробуй повоюй с этой Россией. Задаст она тебе такого жару, какого и сам Бонапарт не видал”...» [9, с. 25–26]

В рассказанном персонажем случае налицо черты фольклорного предания с его установкой на историческую достоверность и с его назначением хранить память о национальной истории. Отчасти звучит назидательность притчи. Но нечто подобное вполне могло произойти в нижегородском Сергаче в действительности.

В целом, Нижегородская страница 1812 года в истории русской литературы, безусловно, заслуживает интереса. Как любая экстремальная ситуация (война, спешная эвакуация, болезни, лишения), она не могла не отразиться в судьбах, а значит, и в творчестве оказавшихся здесь знаменитых писателей.

С другой стороны, события такого эмоционального накала, потрясения, пережитые в дни войны, и небывалый всплеск патриотических чувств после победы над Наполеоном были таковы, что даже в людях, далеких от литературных занятий в мирные времена, они пробудили тягу к перу. И написаны были любительские, пусть несовершенные, но трогательные в своей искренности стихи на победу.

Наконец, отголоски великих событий закономерно проникали в местный фольклор и мифологию и потом уже в виде воспоминаний и легенд продолжали питать литературу на протяжении всего XIX и в XX веке.

Список литературы

1. Романюк С.К. В поисках пушкинской Москвы. М., Профиздат, 2001. 256 с.
2. Петров И.В. Нижний Новгород в войну 1812 года // Записки краеведов. Н. Новгород: Книги, 2004. С. 13–34.
3. Батюшков К.Н. Сочинения. Т. 3. СПб, 1887.
4. Михайлова Н.И. Автограф стихотворения В.Л. Пушкина «К нижегородским жителям» в собрании Государственного музея А.С. Пушкина // Болдинские чтения. Горький: ВВКИ, 1988. С. 126–132.
5. Фридман Н.В. Новые тексты К.Н. Батюшкова // Известия АН СССР, ОЛИЯ. 1955. Вып. 4. 167 с.
6. Михайлова Н.И. Парнасский мой отец. М.: Сов. Россия, 1983. 192 с.
7. Шамшури В.А. Николай Карамзин: Сборник / Автор и сост. В.А. Шамшури. М.: Новатор, 1998. 400 с.
8. Миловский И.И. Песнь Императору Александру I Благословенному на победу Его над Императором французским Наполеоном I в 1812 году. Нижний Новгород, типография И.К. Владимирского, 1912. 40 с.
9. Кави Наджми. Весенние ветры. Перевод с татарского. Казань, 1950.

PATRIOTIC WAR OF 1812 AND NIZHNI NOVGOROD (A LITERARY ASPECT)*V.Yu. Belonogova*

Based on Nizhni Novgorod material, we propose a typology of historico-literary reflections of the theme of the 1812 Patriotic War. Apart from a relatively explored factographic aspect related to the destinies of writers from among the Moscow refugees, the work of amateur poets and some peculiarities of the Patriotic War theme mythologisation in the Nizhni Novgorod region are investigated.

Keywords: Patriotic War of 1812, Nizhni Novgorod, refugees, Moscow writers, patriotism, amateur poets, mythology.